вали повышению культурного облика жителя советской страны.

Источники и литература

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). – Ф. Р-2568. – Оп. 1. –Д. 469.
2. ГАОО. – Р-2568. – Оп. 1. – Д. 781.
3. ГАОО. – Р-2568. – Оп. 1. – Д. 834.
4. ГАОО. – Р-2568. – Оп. 1. – Д. 845.
5. ГАОО. – Р-2568. – Оп. 1. – Д. 852.
6. Государственный архив Пермского края (ГАПК). – Ф. Р-927. – Оп. 1. – Д. 2415.
7. ГАПК. – Ф. Р-1009. – Оп. 1. – Д. 349.
8. Государственный архив Свердловской области. – Ф. Р-2354. – Оп. 1. – Д. 749.
9. *Заельская, С.А.* Культурное пространство Южного Урала в условиях системных реформ (1985 – 2000 гг.) / С.А. Заельская. – Оренбург, 2011.
10. *Заельская, С.А.* Развитие художественного искусства Оренбургской области в 1970 – 1980-е годы / С.А. Заельская // Шестые Большаковские Чтения. Культура Оренбургского края: история и современность. – Оренбург, 2013. – С. 502 – 509.
11. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). – Ф. П-288. – Оп. 196. – Д. 261.
12. ОГАЧО. – Ф. П-288. – Оп. 204. – Д. 562.
13. ОГАЧО. – Ф. Р-1589. – Оп. 1. – Д. 1035.
14. ОГАЧО. – Ф. Р-1589. – Оп. 1. – Д. 1482.
15. ОГАЧО. – Ф. Р-1589. – Оп. 1. – Д. 1542.
16. Пермский государственный архив новейшей истории. – Ф. 105. – Оп. 354. – Д. 2712.
17. Центр документации общественных объединений Свердловской области (ЦДООСО). – Ф. 4. – Оп. 113. – Д. 743.
18. ЦДООСО. – Ф. 4. – Оп. 117. – Д. 760.
19. Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан. – Ф. 122. – Оп. 198. – Д. 309.
20. *Шумилов, Е.Ф.* История искусства Удмуртии: Справочник / Е.Ф. Шумилов. – Устинов, 1986.

УДК 930.85.008

П. Матич

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Статья посвящена изучению влияния глобализации на основные типы национального самосознания. Ставится вопрос национальной идентичности перед вызовом глобализации.

Глобализация, национальная идентичность, национальное самосознание.

The article is devoted to studying the influence of globalization on the main types of national consciousness. The article raises the question of national identity to the globalization challenges.

Globalization, national identity, national consciousness.

Теоретическое понимание глобализации. В теории глобализация определяется как объективный и противоречивый процесс всеобъемлющих и ускоренных изменений в мире, приводящих к трансформации ныне существующего в новую мировую форму репродукции и созданию взаимозависимого мирового общества. Некоторые авторы утверждают, что глобализация стала всеобщим и господствующим процессом изменений с переходом современного (промышленного) к постмодернистскому (постиндустриальному) обществу, что глобализация включает в себя новый этап планетарной модернизации и что ее корни видны на заре современной эпохи, во время становления капитализма в Англии в XV – XVI вв.

Другие же считают, что глобализация началась с новейшего ускорения мировых изменений, проявляющихся с середины XX в., а особенно после распада биполярного мира и экспансии единственной оставшейся мировой сверхдержавы. Есть авторы, которые полагают, что современная глобализация является не просто расширенной формой длительного процесса модернизации, но чем-то гораздо более широким и сложным, дающим отпечаток постомодернизму, т.е. мировому развитию с квалитативно различными формами производства и жизни в сравнении с предыдущими. Во всяком случае глобализация является реальностью мира, в котором мы живем, и в ближайшего будущего. Ее самыми характерными чертами являются: сжатие времени и пространства при постоянном увеличении взаимозависимости частей мира, сильная динамика структурных и системных изменений во всех областях, начиная с экономики, технологии и демографии вплоть до образования, культуры и расширения новых систем ценностей и ежедневной жизни. В их основе лежат новейшие научно-технологические открытия и достижения, т.е. постмодернистская технологическая и информационная революция (электроника, роботика, биогенетика, космическая технология и т.п.), демонстрирующая озволяющая большой экономический подъем ведущих западных стран.

Говоря о глобализационных последствиях чаще всего понимают далеко идущие последствия, поскольку охватывают и стратегические проблемы самых условий общественной репродукции и модерни-

зации, начиная с отношения человеческого рода к природе и окружающей природной среде (геокультура) вплоть до альтернативных условий будущего человечества в условиях, позволяющих генетическую модификацию и типизацию индивидов, вплоть до формирования системного руководства и тотального контроля над поведением человека.

В этом контексте все большее значение получают дискуссии и дилеммы, связанные с проблемами рисков и опасностей в процессе глобализации и неоднозначности того, к чему эти процессы могут привести, включая и возможные разрушительные последствия глобалистической стихии на будущее планеты и человечества. Эти отрицательные последствия глобализации весьма значимы не только в сфере технологических рисков глобализации, но и в экономической, социальной, демографической, культурной, биогенетической и всех других сферах человеческой жизни. Поэтому в центре внимания научной дискуссии о современной глобализации лежат вопросы различия понятий глобализма и глобализации, а именно: в какой степени и каким образом глобализация подразумевает достаточно спонтанную или даже стихийно-агрессивную волну расширения рынка без границ. Возможен ли контроль и рациональное, ответственное прогнозирование в отношении возможных последствий. Или же это дирижируемое (политическое) течение изменений или (возможный) контролируемый процесс модернизации эмпансипационного прогресса человеческого общества, охватывающий уменьшение риска и опасности, связанных с глобализацией. Можно сказать, что одно дело – объективное расширение возможностей и ускорение человеческого прогресса в демократическом мировом порядке, а совсем другое дело – видимые и невидимые авторитарные и тоталитарные формы, в рамках которых положительные возможности и объективные течения превращаются в доминацию самых мощных мировых держав или только одной сверхдержавы, опирающейся на военное превосходство ради удовлетворения интересов только одной, меньшей части мира. Нет никаких сомнений, что эти важные дилеммы, касающиеся противоречивых течений и последствий глобализации, сами указывают на то, что мы находимся на одном из эпохальных перекрестков человечества, более судьбоносном, нежели предыдущие, от которого зависит будущее мира, даже выживание мира и человечества. На этом большом мировом перекрестке одним из ключевых вопросов является влияние глобализации на национальную идентичность отдельных народов и на различные культурные и цивилизационные формы, созданные на протяжении тысячелетних течений мировой истории. Этот очень сложный комплекс открытых вопросов, касающихся отошений традиций и форсированной модернизации, отношений локального и глобального, разнообразного и единообразоного, универсального и отдельного имеет решающее значение для настоящего и будущего мира, который принадлежит нам. Развитие, модернизация и общественный прогресс действительно необходимы для всех стран, а для некоторых регионов это также условие устойчивости и выживания. В каком направлении и в какой мере отношение глобализации к национальной независимости и национальной идентичности влияет на разрешение этих проблем? Оправдывает ли нынешний масштаб глобализации надежды человечества на то, что технологические разработки откроют новую эру гуманистического прогресса? Какие противоречия открывает нынешнее течение глобализации и постиндустриальной модернизации? Какими путями можно преодолеть опасность глобалистической стихии и унификации мира согласно интересам привилегированной части человечества, имеющей монополию над экономической, финансовой и военной мощью?

Типы национальной идентичности. Национальная идентичность является продуктом Нового времени. Она связана с расширением родственных, местных и региональных общественных групп в более широкое общественное целое, нацию, которая в XVIII и XIX вв. становится доминирующей рамкой общественной жизни, принадлежности человека и соотношений по принципу гражданства. Нации создаются постепенно и асинхронно в различных частях мира, в Европе уже начиная с XV в. Ослаблением и распадением феодальной раздробленности сначала создано ядро старых наций (Англия, Голландия и т.п.), а потом эта форма общественной жизни расширилась и на другие части континента (Испания, Франция, Италия, потом Германия и т.п.). До создания национальной идентичности в современном смысле действовали другие образцы идентификации, начиная с древних племенных и тотемных сообществ, вплоть до феодальных монад, локалитетов, в которых люди идентифицировались в качестве бретонцев, фламандцев, валлонов, браварец, пруссаков, каталонцев или сицилийцев, а уж затем в качестве французов, бельгийцев, немцев, испанцев или итальянцев. В основе формирования нации лежит историческая потребность в расширении экономических связей, рынков и коммуникации, но эту основу национальных сообществ сопровождают и многие традиционные и культурные факторы общественного единства, такие как: язык, религия, обычаи, общее происхождение и история, т.е. родственность этнических групп. Вершиной национального формирования является создание национальных государств на принципах национального суверенитета, который обеспечивают самые высокие правовые, организационные и другие гарантии национальной целостности, безопасности и жизни самодостаточных национальных сообществ как жизнеспособного этноса. В развитых частях мира преобладание национальной идентификации имело место в течение почти трех столетий. Лишь к концу XX в. под влиянием неолиберализма и глобализации роль национальных государств начала меняться и заменяться новыми формами межнациональной и транснациональной интеграции, которые подразумевают соответствующие постепенные изменения во внутренних характеристиках национальной идентиче-

фикации с подчеркнутым действием внешних, т.е. международных и мировых факторов и процессов.

В современном мире можно выделить два основных образца или типа национальной идентичности. Первый и старейший образец национальной идентификации называется примордиальным (традиционным). Он базируется на общем происхождении, традиции и культуры отдельных народов, т.е. наций. Второй образец – либеральный (гражданский, универсальный) – базируется на принадлежности к государству (гражданству), т.е. общественному порядку и его правовым нормам, которые важнее этнических, культурных, религиозных и других характеристик общественных групп, объединившихся в либеральное политическое сообщество, т.е. государство равноправных граждан. Ключевой постулат либерального национального образца следующий: разрешается все, что не запрещается законом, т.е. позволяется осуществление всех прав и норм с тем условием, что их осуществлением не ущемляются права других. Важной характеристикой либерального гражданского образца является отеснение исконных примордиальных (коллективных) атрибутов идентификации лишь к частной сфере. Каждый индивид волен исповедывать свою религию и уважать свои этнические обычаи, говорить на своем языке и т.п., но это совершается как частное действие равноправных граждан с такими же правами и других. В связи с этим кроме гарантии свободного частного статуса гражданина-индивида у государства практически нет другой роли и обязательств. Существенной особенностью этого образца является ярко выраженный индивидуализм, абстрагирование от любых коллективных прав, которые передаются в частное владение и являются делом свободного выбора индивида. Этот либеральный процесс в своей самой развитой форме возник в течение формирования «первой новой нации», т.е. Соединенных Штатов Америки. Поэтому в общественном смысле эта страна значительно отличается от большинства стран мира, в которых при национальной идентификации были задействованы нормы и обычаи традиции, происхождения, религии, и другие культурные нормы и ценности, создаваемые на протяжении веков. В отличие от этого национальное государство, которое в регулировании исходит из примордиального образца, берет на себя, подтверждает, регулирует, защищает уже существующие и долго создаваемые культурные, религиозные, социальные и политические особенности на своей территории. Учитывая, что на месте, где возникла «первая новая нация», на протяжении более чем двух веков были геторегенные этнические, культурные и религиозные группы, США изменяли и защищали границы завоеванных местностей на принципах собственнического индивидуализма. Соответственно, ни одна этническая группа в этом процессе не могла приобрести доминирующее положение, а наоборот, возможность общества (т.е. нации) «одинаковых шансов» и явно равноправных граждан выглядела достаточно естественной. Отдельный вопрос, почему такое уравнивание не привело к конкретному и истинному равенству граждан в экономическом, социальном и политическом смысле, а только в абстрактно-юридическом определении.

Когда речь идет о примордиальной национальной идентичности, следует учитывать, что она гораздо комплекснее либеральной идентичности, искуственно созданной на базе государства, права и общественного порядка. Атрибуты примордиальной идентичности весьма разнообразны, и они охватывают: принадлежность роду, язык и письмо, религиозную принадлежность, общую судьбу и историю, традиционные обычаи, культурное достояние, общие мифы и легенды (образцы о происхождении, пути и смысле этнического сообщества, и т.п.), национальность родителей, чувство взаимности, близости, принадлежности, совместной безопасности и др. [2, с. 173 – 194]. Поэтому речь идет не только об искуственных институтах (таких как государство и право, территория (отечество)) или о совместных интересах (экономические, политические), а об одной удлиненной культурной вертикали и сложной, исторически возникшей идентичности.

Глобализация, современность и национальная идентичность. Процесс глобализации в однополярном мире приводит к расширению так называемых однополярных образцов и стандартов, созданных в ведущих либеральных государствах мира, прежде всего в США. Имея в виду доминирование одной мировой сверхдержавы, расширение либеральных образцов на страны с иной культурной основой неминуемо приводит к постепенным модификациям различных видов примордиальной политической идентичности. В общем этот процесс обозначается как модернизация традиционных форм национальной идентичности и очень часто как несомненное продвижение либерального образца, что должно оправдать некоторые виды открытого или прикрытого навязывания либеральных ценностей, от экономики до образования, науки и культуры в качестве высших, более современных и эффективных форм, соответствующих современной эпохе глобализации, в сравнении с актуальными формами национальной идентификации.

Когда речь заходит о либеральных формах социальной и национальной идентификации, неоспоримо, что в значительной степени положительно влияют на ускорение динамики развития общества, предприимчивости, мотивации и ответственности частных владельцев, состязательности, практических иноваций и производственной эффективности. Все эти превосходства либерального образца индентификации, уделяющего главное внимание приватизации, дерегуляции и ускоренному развитию материального потенциала общества, обозначают по сути дела пробуждение цивилизационных, материальных и интересных потенциалов общества, но, с другой стороны, пренебрегают многими значимыми проблемами качества общественных отношений, возникающими в этом развитии, культурными фундаментами демократии и свободой человека, а также отношением общества и человечества к природе, к ограниченным ресурсам

планеты и находящейся под угрозой окружающей средой, что представляет собой все более важный критерий для оценки, представляет ли материальное развитие вклад в гуманизацию общества и природы, дорогу к созданию лучших и более демократичных общественных систем.

В то же время примордиальные образцы национальной идентичности, которые могут быть базой замедления материального роста, любви к традиции, закрытости и инерции в цивилизационном переобразовании, требуют определенных форм модернизации, но не ценой отмены лучших культурных ценностей и достояний. Этому развитию они могут придать сильные импульсы. Так, например, многие образцы примордиальной национальной идентичности в эру подъема технологической модернизации должны действовать как своеобразное культурное противостояние рыночной стихии, большому и чрезмерному утилитаризму, разорению природной среды, неразумному исчерпыванию ресурсов и эксплуатации рабочей силы и основных клеток общества и таким образом внести вклад в сохранение национальной независимости и специфики взаимности, солидарности и шансов для всех. Без этой «обратной связи» положительных ценностей традиции и человеческого опыта, накопленного на протяжении многих веков, с контролируемым материальным развитием и современным цивилизационным прогрессом нельзя говорить об уравновешенных моделях технологического роста и материального благополучия с сохранением и ростом тех самых людей и их сообществ.

Национальная идентичность перед вызовом глобализации. Одной из самых больших угроз, которую ставит стихийная глобализация, является тенденция всеобщего уравновешивания мира, оттеснение и нарочное вытеснение естественных и других различий, касающихся культуры, этнической и национальной идентичности, создаваемой на протяжении веков. Одностороннее прописывание и навязывание различных образцов и стандартов, которыми оправдывается повышение эффективности, модернизации и облегчения коммуникации и «приближения» в нынешних условиях чаще всего преобразуются в инструмент усиления власти самых мощных государств. Сколько бы ни твердили, что отмена различий является императивом современной технической рациональности и что это не мотивируется скрытым доминированием. В природе и в обществе всегда главенствовал закон различий, диверсификации, начиная с распределения труда вплоть до различных сфер высокого культурного и духовного творчества. Именно в этом разнообразии заключались богатство и глубина человеческой культуры в разные эпохи мирового развития. Главный вопрос, почему только один, относительно краткосрочный и во многом непотвержденный образец и цивилизационная идентичность должна быть принята в качестве общеобязательной модели для всех других культур и цивилизационных кругов, для всех других стран и народов мира.

Тезис Хантингтона о столковнениях цивилизаций находит оправдание, но это не касается его имплицитной предпосылки, что решение глобальных конфликтов лежит в принятии только одной, само собой «супериорной», северноамериканской цивилизационной модели национального образца, которому мешают почти все остальные групповые идентичности. Такая схема, напоминающая во многом «управление кризисом», в этот раз глобальным и мировым, в исторической практике всегда обеспечивала имперальную власть «управленцев кризисом», а отменяла не только интересы и права, но и идентичность тех, кем управляли в этих реальных или вымышленных (чаще всего нарочно спровоцированных) конфликтах и кризисах. Что такой подход ведет к углублению мирового хаоса и применению различных моделей перенаправления хаотичных положений, видно по результатам попыток разрешения кризисов в течение второй половины XX в., самое большое число из которых либо не решено, либо даже привело к обострению кризисов и конфликтов между «управленцами» и «управляемыми» (Вьетнам, Ирак, Латинская Америка, Куба, включая и Балканы в конце XX в.).

Интересны позиции о проблемах глобалистского уравновешивания мира и отмене национальных особенностей и идентичностей известного российского геополитика А. Дугина. Говоря о факте, что навязывание либеральных ценностей из мировых центров запускается неминуемо, как подразумевающееся само собой, а также что этому нет альтернативы, что тот, кто не принимает это, «просто не развит в достаточной степени», Дугин говорит: «Человек может освоить новые технологии, растаться со стереотипами, привычками. Тогда одобряется клонирование людей, одобряется освобождение от того, что создает основу человека и его экзистенции. Но если человек решится на такую сторону современности, он задается вопросом, как это сделать лучше, быстрее. Здесь задается вопрос еще глубже. Хороша ли современность? Хорошо ли освобождение от традиции? Обязан ли человек отречься от своих корней, идентичности, языка и культуры? Это плохо, и мы начинаем принимать происходящее в мире в перспективе гораздо глубже и в этом смысле мы переосмысляем новое время, просветительство... За маленькими и дешевыми продуктами, телевидением, фильмами, стоит идея создания киборга, искусственного человека... Но огромное число жителей планеты продолжает жить в традиционных ценностях. Индийская и славянская цивилизация, а также китайская и евразийская, практически весь мир не готов трансформировать свой потенциал в эту систему ценностей, которую олицетворяют США и их «новый мировой порядок»... В таком мировом порядке рождается опасность не только для национальных культур, языков, религий, этики. Это прежде всего опасность для человека. Человек без качества не человек ... без совести и исторической совести он клон» [1, с. 205 – 214].

Весьма оригинальна и позиция Дугина об отношении национального и универсального, т.е. об их

взаимосвязи и плодотворном взаимопроникновении в афирмации и продвижении национальной культуры и национальной идентичности. Однако предотвращение и подавление тех диктатов и отстранение отрицательных последствий глобализации не может реализоваться только путем прямого сопротивления, т.е. путем антиглобалистских акций во всем мире (они полезные, но недостаточные). Необходимы и положительные организованные политические акции и шаги тех государств и цивилизационных групп, которые являются мишенью деструктивной глобалистской экспансии. Если не существует связи и совместного противостояния региональных и альтернативных центров глобализации, сами протесты и спонтаные массовые сопротивления людей не станут сдерживающм фактором расширения экспансионистского глобализма США и транснационального капитала с главными центрами в США. Поэтому Дугин выступает за глобализацию и модернизацию, но на мультиполярной базе (что подразумевает и ядерную мультиполярность), которая сохраняет государственную независимость, целостность и культурную специфику различных государств, регионов в мире. Дугин конкретно приводит несколько цивилизационных кругов, которые могли бы формироваться в мультиполярной глобализации: Евроазия (с Россией как самым большим государством), Европа, Латинская Америка, мусульманский мир, Китай и страны Дальнего востока, Индия, Африка и т.д. В этих рамках новой мультиполярности должен быть превозойден страх маленьких государств от того, что в отдельных регионах возобновятся старые империальные творения, которые отменят идентичность маленьких народов. Наоборот, в мультиполярной глобализации эта идентичность множества маленьких национальных энтитетов может поддерживаться и освобождаться, поскольку в мультиполярных цивилизационных кругах в прошлом отдельные этносы сохранялись на протяжении тысячи лет, а в новейшее время им грозит уничтожение из-за расширения деструктивного униполярного глобализма, в фундаменте которого лежат корпоротивные интересы неолиберальных государств.

Перевод с сербского языка: Стефан Милошевич

Источники и литература

1. *Дугин, А.Г.* Интервју / А.Г. Дугин // Национални интерес. – 2006. – № 1. – ИПС, Београд.

2. *Милошевић-Ђорђевић, Ј.* Схватања националног идентитета у Србији / Ј. Милошевић-Ђорђевић // Национални интерес. – 2005. – № 1. – С. 173 – 194.

УДК 930.85

З. Милошевич

ИСЛАМ И НАУКА

Работа выполнена в рамках научного проекта «Демократические и национальные возможности политических институций Сербии в процессе международной интеграции» (179909) при финансовой поддержке Министерства просвещения и науки Республики Сербия

Данная статья посвящена изучению совместимости ислама и науки. Результаты последних исследований на эту тему говорят о том, что вклад мусульман в развитие мировой науки невероятно мал, менее одного процента, хотя каждый пятый житель планеты сегодня – мусульманин.

Ислам, наука, государство, институции, политика, национальная идентичность, цивилизация, интеграция.

Research of the author is devoted to compatibility of Islam and science. Results of the recent researches on this subject say that the contribution of Muslims to development of world science is incredibly small, less than one percent, though every fifth inhabitant of a planet today is the Muslim.

Islam, science, state, institutions, policy, national identity, civilization, integration.

Начало спорам о совместимости ислама и науки, по мнению Халеда Фуада Алама, положил семитолог и историк Эрнест Ренан (1823 – 1892), профессор Коллеж де Франс, своей знаменитой лекцией под названием «Ислам и наука», которую он прочитал 29 марта 1883 г. в Сорбонне. Ренан тогда выразил мнение, что позитивистская наука и дух ислама несовместимы. Джемуладин ель-Афган – отец мусульманского реформизма, – который в то время находился в Париже, направил Ренану публичный ответ в знаменитой вступительной статье газеты *"Journal des Débats"* 18 мая того же года, утверждая, что научное отставание ислама никак не связано с его фундаментальными принципами, но стало его историческим следствием [7, с. 75]. К тому же заключению приходит и Раде Божович, который подчеркивает, что в первой половине XIX в. арабские мыслители, как и эль-Афган и Мухамед Абдух, горячо спорили с Е. Ренаном и его утверждением, что семитская, а особенно арабская, культура и даже язык окаменели [9, с. 126]. Полемика не утихает до сих пор. Напротив, позиции, которые Ренан и Афган как зачинатели